

О ТОЛКОВАНИИ ТЕРМИНА «ЭЛЕКТРОННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ» В ПРИМЕНЕНИИ К КОНВЕНЦИИ ООН ПРОТИВ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Дмитрий ХАРЕВИЧ,
доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются проблемы правового обеспечения международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Автор указывает на возможность использования Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности в качестве правового основания для проведения электронного наблюдения при международном сотрудничестве Республики Беларусь в борьбе с преступностью, что подразумевает единообразное понимание термина «электронное наблюдение» всеми взаимодействующими сторонами. На основании анализа зарубежной практики правоохранительной деятельности и мнений исследователей под электронным наблюдением предлагается понимать совокупность перечисленных в статье оперативно-розыскных мероприятий и одного следственного действия. Автор полагает, что сформулированную им позицию целесообразно реализовать путем принятия закона, устанавливающего официальное толкование термина «электронное наблюдение».

Принятие Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (далее – Конвенция) стало важным шагом в выработке единых подходов к вопросам осуществления некоторых оперативно-розыскных мероприятий (в терминологии Конвенции – «специальных методов расследования»).

Согласно ст. 20 Конвенции сторонам рекомендовано предусмотреть в национальном праве возможность проведения электронного наблюдения и использовать его на международном уровне. Правовой основой этого могут быть двусторонние или многосторонние соглашения или договоренности, а при их отсутствии Конвенция может рассматриваться «в качестве основы для взаимного сотрудничества между правоохранительными органами...» (ч. 2 ст. 27 Конвенции) [1]. Использование приведенных норм возможно лишь при единообразном понимании термина «электронное наблюдение» всеми сторонами Конвенции.

Попытаемся определить содержание понятия «электронное наблюдение». Согласно мнению авторского коллектива «Руководств для законодательных органов по осуществлению Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и протоколов к ней» *электронное наблюдение* включает использование «подслушивающих устройств или перехвата сообщений», не связанных с физическим внедрением сотрудников правоохранительных органов или других лиц или непосредственным наблюдением за действиями группы [2, с. 203].

Термин «электронное наблюдение» возник в правоприменительной практике США. Как указывают исследователи, в период действия «сухого закона» в США (20–30-е годы XX в.) «подслушивание телефонных переговоров» применялось для борьбы с подпольным производством и торговлей алкоголем [3, с. 72]. С появлением разнообразных способов передачи информации появились и новые негласные способы ее перехвата: слуховой контроль переговоров, видеоконтроль помещений и местности, которые были объединены одним термином «электронное наблюдение». Впоследствии это понятие было заимствовано другими странами и получило правовой статус в Конвенциях ООН. Кроме того, указанный термин закреплен в нормативных правовых актах ряда зарубежных государств: Австралии, США [3, с. 8; 4, с. 53]. Однозначное определение электронного наблюдения в них отсутствует, в связи с чем для его понимания требуется анализ иных источников.

В трудах, посвященных негласной деятельности зарубежной полиции, можно встретить различные точки зрения на содержание электронного наблюдения. Наиболее «консервативные» относят к нему прослушивание телефонных переговоров и слуховой контроль в помещении, в том числе осуществляемый негласными сотрудниками с использованием специальной аппаратуры [5, с. 7; 6, с. 23; 7, с. 83]. В пособии Агентства США по контролю за оборотом наркотиков указано, что при электронном наблюдении «для перехвата содержания

устной беседы или сообщений по линиям связи применяются электронные, механические или другие устройства» и различные технологии [8, ch. VII, p. 1, 6]. В *Великобритании* к электронному наблюдению относят прослушивание жилищ граждан, прослушивание телефонных переговоров в стационарной и мобильной сети [9].

Однако многие исследователи полагают, что приведенная точка зрения не является исчерпывающей, и причисляют к электронному разнообразности наблюдения, осуществляемого с использованием технических средств. Так, рассматривая практику негласной деятельности полиции за рубежом, М.П.Смирнов указывает, что к электронному наблюдению относятся отслеживание пути движения товаров и людей с использованием электронных передающих устройств, «телефонный контроль», «отслеживание разговоров с использованием передатчиков и записывающих устройств, скрытых непосредственно на информаторе или на свидетеле, либо в комнате, в автомобиле» [10, с. 238–239]. Б.М.Самохин и В.В.Князев при рассмотрении методов работы полиции зарубежных государств, указывают, что «под электронным наблюдением понимают все виды тайного наблюдения за тем или иным лицом с помощью радиоэлектронных устройств»; оно включает в себя подслушивание телефонных разговоров, разговоров в помещениях и вне их, негласную кино- видео- и фотосъемку, а также «установку в транспортных средствах, вещах и даже одежде подозреваемого специальных датчиков сигналов для облегчения слежки при перемещении объекта» [3, с. 8–9, 64, 70–71]. В обзоре ВНИИ МВД СССР, посвященном мерам борьбы с организованной преступностью за рубежом, к электронному наблюдению причислены «подслушивание телефонных переговоров, подслушивание с помощью малогабаритных электронных устройств, включающих микрофон или радиопередатчик или микрофон и звукозаписывающее устройство, наблюдение с помощью телевизионных систем, приборов ночного видения» [4, с. 60].

Наряду с этим, термин «электронное наблюдение» («электронный мониторинг», «электронный надзор») используется в *США и Франции* для обозначения не только негласных действий, осуществляемых в рамках расследования уголовно наказуемых деяний, но и как способ контроля за соблюдением меры пресечения, исполнением наказания, при котором на теле лица устанавливается специальное устройство (браслет), позволяющее определять его местонахождение в любой момент времени [11]. Мы не будем затрагивать эти аспекты и ограничимся рассмотрением электронного наблюдения как негласного способа получения информации о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении.

В *ФРГ* «электронное наблюдение» является неправовым термином, это словосочетание, за-

имствованное из практики деятельности полиции и спецслужб США. В работах правоведов оно определено как наблюдение, осуществляемое на расстоянии посредством электронного оборудования или иных технических средств. К данному виду наблюдения относят ряд негласных мероприятий, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом и полицейским законодательством, в частности:

- контроль телекоммуникации – прослушивание и запись телефонных переговоров стационарной, мобильной и спутниковой связи, перехват сообщений, передаваемых по мобильной сети, электронной почты и телефаксовых сообщений, переговоров по радиосвязи;

- акустический контроль жилища и прослушивание вне его;

- видеонаблюдение в жилище с целью обеспечения безопасности негласных сотрудников;

- фото- и видеосъемка и наблюдение с использованием технических средств, осуществляемые вне жилища в движении и стационарно;

- установление данных о местоположении, номере и карточке мобильного телефона с использованием технических средств;

- сбор данных о телекоммуникационном трафике, то есть определение местоположения абонента мобильного телефона и отслеживание его перемещения, а также осуществление контроля за использованием коммуникационных служб и Интернета;

- онлайн-обход – тайное проникновение в информационно-техническую систему с целью ведения наблюдения за использованием компьютерной системы и считывания информации с носителей;

- полицейское наблюдение – планомерное негласное наблюдение за лицом или объектом в целях установления его полного профиля перемещения по номерному знаку транспортного средства, координатам системы глобального позиционирования (например, GPS), идентификационному номеру пластиковой магнитной карточки и тому подобное [12; 13; 14, S. 725; 15, с. 168; 16, S. 28].

Таким образом, за рубежом под электронным наблюдением понимается широкий спектр способов получения разнообразной криминально значимой информации, раскрывающей содержание межличностных коммуникативных или поведенческих актов наблюдаемого лица, а также об объектах, вызывающих интерес у данного лица, и его перемещениях в физическом и виртуальном пространстве. Информация может фиксироваться субъектом электронного наблюдения – сотрудником правоохранительного органа, или по его поручению иным лицом как в режиме реального времени, так и в отложенном – через некоторое время после окончания представляющего интерес события.

Рассматривая содержание электронного наблюдения в трудах российских исследователей, необходимо отметить неоднозначность его пони-

мания. Наиболее консервативен А.Ю.Шумилов, полагающий, что, в отличие от физического наблюдения, «электронное (техническое) наблюдение основано на опосредованном методе получения информации и заключается в негласном, направленном восприятии деятельности объекта оперативной заинтересованности с помощью оперативно-технических средств (телевизионных систем и др.)» [17, с. 86]. Электронное наблюдение рассматривается им как разновидность оперативно-розыскного мероприятия «наблюдение». С данной точкой зрения согласен С.И.Захарцев [18, с. 111].

Большой объем в понятие «электронное наблюдение» вкладывается А.Е.Чечетинным, который причисляет к электронному наблюдению не только разновидность оперативно-розыскного наблюдения, основанную «на применении специальных технических средств для слежения за действиями подозреваемого лица в помещениях и транспортных средствах», но и слуховой контроль, осуществляемый «с помощью аппаратуры аудиозаписи с целью слухового контроля и записи разговоров подозреваемых». Автор указывает, что в ходе электронного наблюдения «могут проводиться негласные фото-, кино- или видеосъемка». В то же время, прослушивание телефонных переговоров, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений он не относит к электронному наблюдению [19, с. 56, 66; 20, 69, 79; 21, с. 62, 72; 22, с. 60, 136]. Многие из данных положений разделяют авторы учебника «Теория оперативно-розыскной деятельности» и Е.С.Дубонос [23, с. 336–337, 353; 24, с. 105].

Еще шире электронное наблюдение определяют Ю.Ф.Кваша и К.В.Сурков, которые относят к нему разновидности оперативно-розыскных мероприятий «наблюдение», «прослушивание телефонных переговоров», «снятие информации с технических каналов связи», а также следственного действия «контроль и запись переговоров», при которых используются разного рода технические средства [25, с. 212–213, 222–223, 227; 26, с. 386].

В трудах исследователей нового поколения также присутствует широкий подход к пониманию термина «электронное наблюдение». Так, И.Е.Ермолаев высказывает мнение о том, что электронное наблюдение – это собирательное понятие; способом его осуществления является электронный контроль. Электронное наблюдение включает «виды средств, действие которых в обязательном порядке должно основываться на принципах электроники, коими могут являться средства визуального-, аудиального контроля и фиксации получаемой информации, а также радиолокации и контроля телекоммуникационных, компьютерных и иных видов сетей» [27, с. 13]. По мнению Ю.Н.Сokolova, дефиниция электронного наблюдения охватывает возможность снятия информации широкого спектра: звуков и речи, излучения и сигналов, изображений, знаков и письменного

текста, сообщений любого рода, передаваемых по радио-, проводной, оптической и другим электромагнитным системам [28].

Сравнение подходов к определению термина «электронное наблюдение» за рубежом и в трудах российских исследователей показывает, что они в ряде случаев кардинально различаются. Если в крайних взглядах в западных юридических науках электронное наблюдение рассматривается как совокупность различных форм прослушивания телефонных переговоров и слухового контроля, то в трудах некоторых российских исследователей под ним понимаются лишь разновидности оперативно-розыскного мероприятия «наблюдение». Вместе с тем, как на Западе, так и в государствах СНГ сформировалась «широкая» точка зрения, объединяющая приведенные крайние взгляды.

Полагаем, что при рассмотрении электронного наблюдения лишь как разновидности оперативно-розыскного мероприятия под ним понимается преимущественно визуальное восприятие, а остальные способы трактуются как вторичные, опосредованные применением различных технических средств варианты визуального восприятия. Однако современное развитие техники, позволяющее получать требуемую информацию об объекте иными способами (помимо визуального), дает основание сделать вывод об ограниченности подобного взгляда. Так, в словаре С.И.Ожегова слово «наблюдать» относится не только к визуальному восприятию, его значением является также «изучать, исследовать» [29, с. 360]. В сфере оперативно-розыскной деятельности объектами изучения являются факты уголовно наказуемых деяний и лица, их подготавливающие, совершающие или совершившие. Такое изучение может осуществляться, в частности, путем проведения прослушивания телефонных переговоров, снятия информации с технических каналов связи, слухового контроля. В связи с этим считаем возможным отнесение перечисленных способов изучения (исследования) объектов, представляющих оперативный интерес, к электронному наблюдению.

Еще одним аргументом в пользу широкого понимания рассматриваемого понятия является то, что во многих из приведенных взглядов критериями отнесения действия к электронному наблюдению являются носители информации о наблюдаемом явлении или объекте: если информация воспринимается через визуальные образы, то действие относится к наблюдению, если посредством электромагнитных волн (например, в виде сигнала телефонного аппарата) – к электронному наблюдению. На наш взгляд, данные характеристики могут являться критерием классификации только в том случае, если они оказывают влияние на способ восприятия сведений, представляющих интерес для инициатора, иначе они не должны играть определяющую роль. Так, сведения о содержании переговоров лиц, представляющих опера-

тивный интерес, могут быть получены не только путем проведения слухового контроля, но и в ходе видеоконтроля с одновременной фиксацией акустической информации или прослушивания телефонных переговоров. Представляется, что относя к электронному наблюдению первое из указанных оперативно-розыскных мероприятий, нелогичным будет не причислять к нему оставшиеся два. В связи с изложенным, полагаем возможным согласиться с «широкой» трактовкой понятия «электронное наблюдение».

Проанализируем, в какой мере в отечественном законодательстве реализованы положения Конвенции с учетом такого понимания электронного наблюдения. В статье 11 Закона от 9 июля 1999 года (в ред. от 04.01.2010) «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон) предусмотрена возможность наведения справок о телефонных соединениях абонентов и месте совершения таких соединений; наблюдения с использованием специальной техники; слухового контроля за осуществлением переговоров с использованием специальной техники как в жилище, так и вне его; контроля почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений – в отношении сообщений, направляемых по каналам передачи данных; прослушивания телефонных переговоров, осуществляемых по каналам стационарной связи; снятия информации с технических каналов связи относительно содержания переговоров, осуществляемых по каналам мобильной, радио- и иной связи, информации о текущем местоположении абонентов в ходе таких переговоров, о содержании факсимильных и электронных сообщений, Интернет-трафике. В статье 214 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь предусмотрено «прослушивание и запись переговоров», в ходе которого могут контролироваться переговоры с использованием технических средств связи и иные переговоры подозреваемого, обвиняемого и других лиц. Изложенное позволяет говорить о том, что в национальном законодательстве рекомендации ч. 1 ст. 20 Конвенции отражены достаточно полно.

Если же рассматривать вопрос о допустимости электронного наблюдения при противодействии организованной преступности в контексте международного сотрудничества, можно прийти к достаточно неоднозначным выводам. Национальное законодательство данную возможность допускает. Так, следственные действия могут проводиться по запросам зарубежных правоохранительных органов в соответствии с международными договорами или на основании принципа взаимности. Основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий в соответствии со ст. 13 Закона об ОРД могут выступать запросы международных правоохранительных организаций, правоохранительных органов и специальных служб иностранных государств в соответствии с международными до-

говорами Республики Беларусь [30]. Такие дву- и многосторонние договоры имеются со всеми государствами – участниками СНГ, всеми граничащими с нашей страной государствами и странами Балтии (Польша, Литва, Латвия, Эстония), Румынией, Грузией, а также рядом арабских государств (Египет, Сирия). Однако международных договоров с остальными странами Европейского Союза, позволяющих осуществлять оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия, у Республики Беларусь не имеется. Подобная ситуация, безусловно, не соответствует сложившейся правоприменительной практике в области международного права. Так, ст.ст. 17–22 раздела 3 «Перехват телекоммуникаций» Конвенции о взаимной помощи по уголовным делам между государствами – членами Европейского Союза от 29 мая 2002 г. детально регламентируют различные аспекты осуществления оперативно-розыскных мероприятий, относимых к электронному наблюдению. Следует также отметить, что законодательство большинства западных государств допускает осуществление такого наблюдения лишь в целях уголовного преследования. Если же по факту, в отношении которого запрашивается содействие, не возбуждено уголовное дело, запросы об оказании содействия в проведении оперативно-розыскных мероприятий по нему могут быть отклонены при отсутствии специализированного международного договора. Таким образом, при наличии достаточных правовых институтов в национальном законодательстве, в Республике Беларусь отсутствуют правовые основания для осуществления электронного наблюдения по запросам правоохранительных органов при осуществлении международного сотрудничества Республики Беларусь с государствами – членами Европейского Союза. Данная ситуация может быть разрешена путем использования ч. 2 ст. 27 Конвенции, допускающей применение последней в качестве основы для взаимного сотрудничества между правоохранительными органами. Условием этого является единообразное понимание терминов данного международного договора, в том числе понятия «электронное наблюдение».

На наш взгляд, под электронным наблюдением в применении к Конвенции ООН о трансграничной организованной преступности, следует понимать такие юридически значимые действия, как следственное действие «прослушивание и запись переговоров», а также перечисленные выше оперативно-розыскные мероприятия.

Полагаем, что использование предложенного содержания термина «электронное наблюдение» возможно путем принятия закона, устанавливающего его официальное толкование. Это позволит полно использовать возможности Конвенции и эффективно осуществлять международное сотрудничество в противодействии трансграничной организованной преступности.

1. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: Закон Респ. Беларусь, 3 мая 2003 г., №195-З // Консультант Плюс: Беларусь. Версия 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.
2. Руководства для законодательных органов по осуществлению Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и протоколов к ней / Управление ООН по наркотикам и преступности. – Нью-Йорк, 2004. – 586 с.
3. Самохин, Б.М. Зарубежный опыт оперативно-розыскной деятельности в борьбе с преступностью: науч. обзор / Б.М.Самохин, В.В.Князев. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1991. – 86 с.
4. Обзор о состоянии и мерах борьбы с организованной преступностью в некоторых зарубежных странах / ВНИИ МВД СССР. – М., 1990. – 80 с.
5. США: Разведывательно-информационные системы в борьбе с организованной преступностью // Обзорная информация ГИЦ МВД СССР. – 1988. – Вып. 6. – С. 1–13.
6. Голиков, Б.К. Управление разведывательной службой полиции США / Б.К.Голиков, А.П.Полежаев: учеб. пособие. – М.: Акад. МВД СССР, 1980. – 84 с.
7. Загуляев, В.Ф. Особенности наблюдения с использованием технических средств при раскрытии групповых преступлений (из опыта правоохранительных органов США и России) / В.Ф.Загуляев // Нетрадиционные подходы к решению проблем борьбы с правонарушениями: материалы науч.-практ. конф., Омский юрид. ин-т МВД РФ, май 1996 года. – Омск, 1997. – С. 81–85.
8. Drug Enforcement Handbook / U.S. Drug Enforcement Administration. – Washington, 1991. – 90 p.
9. Электронное наблюдение [Электронный ресурс] / Служба безопасности МБ. – Режим доступа: <https://www.mi5.gov.uk/output/intrusive-surveillance-russian.html>. – Дата доступа: 01.02.2010.
10. Смирнов, М.П. Комментарии оперативно-розыскного законодательства РФ и зарубежных стран: учеб. пособие / М.П.Смирнов. – М.: Экзамен, 2002. – 544 с.
11. Алегин, А.П. Актуальные проблемы организации информационного обеспечения электронного мониторинга осужденных с применением приборов ГЛОНАСС / А.П.Алегин // Российский следователь. – 2009. – №24. – С. 30–32.
12. Löffelmann, M. Aktuelle Rechtsprobleme der Telekommunikationsüberwachung / M.Löffelmann // Anwaltsblatt. – 2006. – №10. – S. 598–602.
13. Wichtigkeit der Vorschriften zur Online-Durchsuchung im Verfassungsschutzgesetz Nordrhein-Westfalen: Entscheidung des Bundesverfassungsgerichtes vom 27. Februar 2008 // Neue Juristische Wochenschrift. – 2008. – Heft 12. – S. 822–837.
14. Meyer-Goßner, L. Strafprozessordnung, Gerichtsverfassungsgesetz, Nebengesetze und ergänzende Bestimmungen / L.Meyer-Goßner. – 49. neu bearbeitete Auflage. – München: C.H.Beck, 2006. – 2148 S.
15. Гесснер Р., Херцог У. За фасадом права: Методы новой тайной полиции = Gössner R., Herzog U., Im Schatten des Rechts: Methoden einer neuen Geheim-Polizei. / Р.Гесснер, У.Херцог / пер. с нем. Л.Ф.Маковкин; отв. ред. Т.Г.Морщакова. – М.: Юрид. лит., 1990. – 224 с.
16. Krey, V. Kriminalitätsbekämpfung um jeden Preis? Zur kontinuierlichen Ausweitung des Bereichs Verdeckter Ermittlungen / V.Krey // IRP-Rechtspolitisches Forum. – 2003. – №9. – S. 3–31.
17. Шумилов, А.Ю. Юридические основы оперативно-розыскных мероприятий: учеб. пособие / А.Ю.Шумилов, М., Шумилова. – М., 1999. – 128 с.
18. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия: Общие положения / С.И.Захарцев. – СПб.: Юр. центр Пресс, 2004. – 259 с.
19. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий / А.Е.Чечетин; под ред. проф. В.В.Николюка. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2000. – 198 с.
20. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий; под ред. А.Е.Чечетина. – 8-е изд., перераб. и доп. – Барнаул, 2003. – 2005. – 225 с.
21. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: учеб. пособ. – Изд. 8-е, перераб. и доп.; под ред. А.Е.Чечетина. – М.: МВД России, 2004. – 204 с.
22. Чечетин, А.Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий: монография / А.Е.Чечетин. – М.: Изд. дом Шумилова, 2006. – 180 с.
23. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / О.А.Вагин [и др.]. – М., Инфра-М, 2009. – 831 с.
24. Дубоносов, Е.С. Основы оперативно-розыскной деятельности: курс лекций / Е.С.Дубоносов; под ред. Г.К.Синилова. – М., 2002. – 184 с.
25. Кваша, Ю.Ф. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» / Ю.Ф.Кваша, К.В.Сурков: комментарий / К.К.Горяинов, Ю.Ф.Кваша, К.В.Сурков. – М.: Новый Юрист, 1997. – 576 с.
26. Основы оперативно-розыскной деятельности: учебник / Ю.Ф.Кваша, К.В.Сурков; под ред. В.Б.Рушайло. – 4-е изд., стер. – СПб.: Лань, 2002. – 720 с.
27. Ермолаев, И.Е. Использование в процессе доказывания видеоматериалов, полученных при проведении оперативно-розыскных мероприятий (по материалам сибирского федерального округа): автореф. ... дисс. канд. юрид. наук: 12.00.09 / И.Е.Ермолаев; Байкальский гос. ун-т экон. и права. – Иркутск, 2006. – 20 с.
28. Соколов, Ю.Н. Использование результатов электронного наблюдения в уголовном судопроизводстве и оперативно-розыскной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ю.Н.Соколов. – Екатеринбург, 2004. – 218 с.
29. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 60 000 слов и фразеологических выражений / С.И.Ожегов; под общ. ред. Л.И.Скворцова. – 25-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «Издательство Оникс»; ООО «Издательство «Мир и Образование», 2006. – 976 с.
30. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., №289-З // Консультант Плюс: Беларусь. Версия 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.

ANNOTATION

Поступила в редакцию 10.03.2010

Issues of legal provision of international cooperation in combating crime are considered in the article. The author indicates the possibility of applying the UN Convention against transnational organized crime as a legal ground to carry out electronic surveillance in the course of the international cooperation of Republic of Belarus in combating crime. That implies uniform understanding of the term “electronic surveillance” by all cooperating parties. On the basis of analysis of the foreign enforcement practice and opinions of researchers it is proposed to understand electronic surveillance as a summation of the undercover activities and one investigation action listed in the article. The author proposes to apply that position by promulgation of the law that states the official interpretation of the term “electronic surveillance”.